

Атомная Сильва из запретного города

В Москву прибыла оперетта с невидимой стороны Земли

Когда все деньги в стране куда-то делись, среди исчезнувших вместе с ними понятий оказалось красивое слово «гастроли». Театры стали домоседами, Москва забыла о существовании культурной провинции. И вот наконец прибыл театр с оркестром, балетом, хором, солистами, семью спектаклями и отважной дирекцией. Первой ласточкой оказалась оперетта — традиционная, с перьями, простакими и субретками. Что интересно: оперетта из наглого закрытого города, название которого произносили шепотом, — «Свердловск-44». И теперь Москва открывает его как неизвестную науку туманность.

Валерий КИЧИН

Как улыбалось нам счастье

На открытии давали «Сильву». В партере стояли кабаре-столики, дивы пили там шампанское и флиртовали двухметровый Бони с лицом кота-Киркорова; иногда они заходили на сцену. Вообще все смешалось в интерпретации режиссера Бориса Лагоды и дирижера Владимира Янковского: канкан о женщинах, без которых «жить нельзя на свете, нет», пела Сильва в цилиндре и фраке, ее страстно ожидаемая выходная ария «Хейя!» эмигрировала в середину, и даже возник дуэт из соседней «Марицы». На сцене гар-

цевали красотики кабаре, состоящие из одних ног, и бушевала «комическая старуха» Соловей, которую здесь звали Мотыльком, — народная артистка Ираида Лихачева-Кунина. Эдвин — лауреат международных конкурсов Василий Овчаров — с изломом бровей и трагизмом Ленского перед дуэлью пел красивым грудным баритоном «Помнишь ли ты?». И все зоры притягивала Сильва.

За Сильвой было интересно следить. Голос, элегантность и шарм были при ней, но она была и личностью. Прима коллектива Елена Соколова не зря получила Гран-при на конкурсе в Одессе — она из редких в оперетте актрис, у которых обаяние не нарисовано тушью, а свое. У этой Сильвы был

характер. И разумеется, только такую женщину мог выбрать из целого кордебалета и полюбить глубокий человек Эдвин.

Публика млела. Это был зал людей, соскучившихся по жанру: красивой музыке, красивой жизни и любимым штампам. В Московской оперетте на радость детворе грохочет «Метро», Кальман стал в дефиците, его нужно везти из Новоуральска. В антракте ловили за рукав главного режиссера Владимира Бородина и пылко благодарили за нежданный подарок. Немногие почтившие спектакль критики обсуждали новаторство в виде полуобнаженного Эдвина, пеньюара Сильвы и раскинутой постели, неопровержимо свидетельствующих о том, что они переспали. У Кальмана до сих пор они только любили.

Коммунизм в отдельно взятой зоне

В Свердловске-44, ныне Новоуральске, меньше ста тысяч жителей, но есть куклы и оперетта. У неё здание в стиле «сталинский ампир» и зал с хорошей акустикой. Выходят 5—6 премьер в

год, на первых спектаклях обычно аншлаги. Сознывая свою ответственность за духовность города, театр работает филармонией, консерваторией, эстрадой и лекторием, играет «Петю и Волка» в детских садах, Чайковского в школах, «Страсти по Матфею» и «Служанку-госпожу» на стационаре. Выйдя перед открытием гастролей к публике, главреж Бородин сказал, что это отчет театра по случаю его пятидесятилетия, — при том, что городу стукнуло только сорок восемь. Я вспомнил фильм Херцога «Фицкарральдо», где герой строил оперу в джунглях, и едва дождался антракта:

— Это как же? Построили театр в степи глухой, а потом вокруг него город?

— Во-первых, в горах. Во-вторых, строился комбинат по выпуску обогащенного урана, вокруг него поселок, и по отдельному приказу Сталина — театр. В 51-м вышла первая премьера, а через два года атомный поселок стал атомным городом.

— А как удастся заманить актеров? Они никаких закрытостей не любят.

— Когда вся страна голодала — у нас был коммунизм. Город был так денежен и престижен, что в большой Свердловск не из Москвы, а от нас везли колбасу и обувь — целыми электричками. Артистам давали хорошие квартиры — они рвались в этот театр. Сейчас ситуация изменилась, но закваска «привилегированного города» осталась.

— Вы учились в Москве у Бориса Равенских — как чувствуете себя в закрытой местности?

— Хорошо. Мы не знаем, что такое отключение электричества, у нас нет проблем с горячей водой, чистыми подъездами и освещенными улицами, хорошими продуктами и транспортом. Въезд и выезд только по пропускам. Зарплата и все положенные надбавки — регулярно, день в день. Город любит театр, городские власти нас поддерживают. И мы все знаем друг друга — как родня.

— Больших репертуарных гастролей в Москве не наблюдалось с начала 90-х. Как вам удалось пробить окно в Европу?

Елену Соколову в театре носят на руках

— Была идея провести фестиваль музыкальных театров закрытых городов. По плану Союза театральных деятелей России и нашего Министерства атомной промышленности театры из Северска, Железногорска и Новоуральска должны были показать за десять дней по три спектакля. Но один впал в финансовый кри-

зис, другой в кризис творческий. Вы же знаете, как это бывает: мэр любит театр — будет в городе театр, мэр любит футбол — театра в городе не будет. А у нас дирекция рискованная: раз такое дело, мы заберем эти десять дней себе. Выполнили в первом квартале годовой финансовый план, взяли ссуду в банке, аренду помещения

оплатил Минатом — и вот мы тут. Конечно, ощущаем себя камикадзе, но не жалуемся: зал полон. ...На «Баядере» был уже полный обвал. «Баядера» как древнегреческий раритет: ее поднимают со дна моря, очищают от водорослей и выпускают к публике. И та радостно смеется шуткам прадедушек.